

Н. А. Бондарко, М. Г. Логутова, Е. А. Ляховицкий

## ОБ ОДНОМ НЕМЕЦКОМ БУМАЖНОМ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОМ МОЛИТВЕННИКЕ ИЗ СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ

В статье представлены результаты кодикологического и содержательного анализа одного из нижненемецких молитвенников в общем контексте духовной культуры рубежа XV–XVI вв. На период 1470–1525 гг. приходится пик католического молитвотворчества в немецких землях. В многочисленных рукописных молитвенниках нашли отражение религиозные процессы, происходившие в это время в Германии. Тексты молитвенников четко следовали основным тенденциям религиозного сознания общества и столь же четко указывали на происходившие в них изменения. Этот тезис находит подтверждение в шести хранящихся в Российской национальной библиотеке немецкоязычных молитвенниках, созданных во второй половине XV — первой трети XVI в. Статья посвящена исследованию одного из них — молитвенника РНБ Ms. Ф.955, оп. 2, № 51. Кодекс состоит из девяти бумажных блоков, сплетенных вместе в конце XV в. Состав блоков определяется на основании видов бумаги и почерков. Анализ рукописи Ms. Ф.955, оп. 2, № 51 показывает, что с точки зрения содержания она представляет собой типичный для второй половины XV — начала XVI в. немецкоязычный молитвенник: тексты молитв и рубрик записаны на народном (средненижненемецком) языке, отдельные латинские слова обозначают лишь привычные слуху названия: *Paternoster*, *Ave Maria*; молитвенник христо- и мариецентричен, содержит апокрифические легенды о св. Анне с подборкой обращенных к ней молитв, молитвы к остальным святым немногочисленны.

С точки зрения кодикологической структуры данный молитвенник является типичным представителем недорогих бумажных молитвенников, которые, как правило, не оставались в неизменном виде с момента создания, а видоизменялись и дополнялись владельцами исходя из их собственных религиозных переживаний и представлений. В отличие от них дорогие пергаменные кодексы записывались одним почерком и были иллюминированы; для последних характерна строгая композиция молитвенных текстов и наличие составных частей часовников: литургического календаря, покаянных псалмов, литаний святым. Библиогр. 27 назв.

*Ключевые слова:* молитвенники, кодикология, рукописи, история немецкой письменной культуры.

**Для цитирования:** Бондарко Н. А., Логутова М. Г., Ляховицкий Е. А. Об одном немецком бумажном позднесредневековом молитвеннике из собрания Российской национальной библиотеки // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 2. С. 277–290. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.205

---

*Бондарко Николай Александрович* — доктор филологических наук, Институт лингвистических исследований РАН, Российская Федерация, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9; n-bond@yandex.ru

*Логутова Маргарита Георгиевна* — кандидат исторических наук, Российская национальная библиотека, Российская Федерация, 191068, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 18; m.logutova@mail.ru

*Ляховицкий Евгений Александрович* — кандидат исторических наук, Российская национальная библиотека, Российская Федерация, 191068, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 18; stoglav@bk.ru

*Bondarko Nikolai Aleksandrovitch* — Doctor of Philology, Institute for linguistic Studies of Russian Academy of Sciences, 9, Tuchkov per., St. Petersburg, 199053, Russian Federation; n-bond@yandex.ru

*Logutova Margarita Georgievna* — PhD of History, Russian National Library, 18, Sadovaya ul., St. Petersburg, St. Petersburg, 191068, Russian Federation; m.logutova@mail.ru

*Lyakhovitskiy Evgenij Aleksandrovitch* — PhD of History, Russian National Library, 18, Sadovaya ul., St. Petersburg, 191068, Russian Federation; stoglav@bk.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

ONE GERMAN LATE MEDIEVAL PAPER PRAYER BOOK FROM  
THE COLLECTION OF RUSSIAN NATIONAL LIBRARY

The article presents the results of codicological and content analysis of one Low German prayer book within the common context of devotional culture at the turn of 16th century. The period of 1470–1525 is one in which a great many new Catholic prayers were composed. The religious processes happening in Germany at that time are reflected in the handwritten prayer books. Prayer books followed clearly the main trends of the religious consciousness of society and just as clearly point to the changes occurring in them. This statement is supported by five German-speaking prayer books of the National Library of Russia which were created in the second half of the 15th– the first third of the 16th century. The article investigates one of them, the prayer book Ms. F. 955, Op. 2, No. 51. The manuscript consists of ten blocks of paper, concluded together in the late 15th century; the codicological structure is determined by the types of paper and handwritten scripts. The analysis of the manuscript Ms. F. 955, Op. 2, No. 51 shows that in terms of content, it is a typical German vernacular prayer book from the second half of the 15th to the beginning of the 16th century: prayers and columns are written in the folk language, some Latin words indicate only habitual prayer titles familiar to the ear: *Pater noster*, *Ave Maria*; the prayer book is Christo- and Mary- centric, it contains apocryphal legends about St. Anna as well as the prayers to her. Prayers to the other Saints are not numerous.

In terms of its codicological structure and content, this manuscript is a typical example of inexpensive paper prayer books. This type is characterized by the frugal decor, vernacular language and numerous textual additions (often, very extensive) made by the owners according to their religious preferences and ideas.

In contrast, the expensive codices were written in the same hand and were richly illuminated. They are characterized by the precise order of devotional texts and the presence of specific components of breviaries: the liturgical calendar, penitential psalms, litanies to the Saints. Refs 27.

*Keywords:* prayer books, codicology, manuscripts, the history of written culture in Germany.

**For citation:** Bondarko N. A., Logutova M. G., Lyakhovitskiy E. A. One German late medieval paper prayer book from the collection of Russian National Library. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, issue 2, pp. 277–290. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.205

Восприятие каждого конкретного средневекового рукописного текста как неповторимого и самостоятельного предмета исследования, который вместе с другими текстами образует новую сущность и основную составляющую средневековой письменной культуры, а именно рукописный кодекс, стало реальностью в 1990-е годы. Как пишет Н. Штаубах, в рамках так называемой Новой филологии (New Philology) значительная часть рукописных текстов в виде небольших отрывков, произвольно, на первый взгляд, собранных в сборниках и конволютах, получила право на существование [Staubach 2002, S. 251–276]. Именно такой подход наиболее плодотворен при исследовании рукописных молитвенников. Каждый из них представляет неповторимую единицу, тексты которой несут информацию об общих религиозных запросах своего времени. При этом молитвенники — самые «личные» книги Средневековья. Духовный мир своего времени раскрывается в них в наибольшем приближении к реальности, а сами молитвенники носят гораздо более выраженный личностный отпечаток, чем любой другой вид книги [Heimerl 1952, S. 1].

Интенсивное изучение молитвенников началось сравнительно недавно. После работ Ф. Хаймерля по материалам южнонемецких молитвенников [Haimerl 1952], М. Мертенс (нидерландские молитвенники) [Meertens 1930], П. Охсенбайна (немецкие молитвенники XI–XIV вв.) [Ochsenbein 1988] и каталога Г. Ахтена [Achten 1987] до конца XX в. не появлялось сколько-нибудь значительных обобщающих исследований. В 1995 г. вышло исследование Й. Остермана о рифмованных нидерланд-

ских молитвах [Osterman 1995]. Т. Лентес в своей диссертации [Lentes 1996] заново сформулировал ряд вопросов, связанных с процессом создания молитвенников, из которых главные, кто и каким образом компоновал молитвенники. Прежде всего речь идет о том, кто составлял основной, первоначальный блок молитвенников. Работа Лентеса — безусловный прорыв в изучении молитвенников. Однако не все его положения можно принять безоговорочно, поскольку они основаны на изучении только одного комплекса молитвенников из женского доминиканского монастыря св. Николая на водах (St. Nikolausnundis) в Страсбурге. Вслед за Ф. Хаймерлем Лентес полагает, что население северной Германии в отличие от южнонемецких земель молилось по часовникам, а не по молитвенникам. Между тем более сотни рукописных молитвенников в Хельмштедском собрании библиотеки герцога Августа (Вольфенбюттель, земля Нижняя Саксония) показывают, что и в этом северогерманском регионе молитвенники безусловно преобладали над часовниками.

Молитва была самым востребованным литературным жанром позднего Средневековья. Она предоставляла наиболее доступный, вне зависимости от социального положения и уровня образованности, способ общения людей с Богом. Литургическая молитва произносилась христианским сообществом в церкви (*oratioliturgica*, *oratiocommunis*) вслух равно грамотными и неграмотными прихожанами и имела вербальное выражение. Индивидуальная молитва (*oratio privata*) по большей части также выражалась в словах, но связь между молящимся субъектом и объектом индивидуальной молитвы была душевнее, чем во время литургической молитвы, верующий глубже вникал в объект своего устремления и вступал с ним в более тесный контакт [Heimerl 1952, S. 22, Anm. 18]. Поскольку в молитве человек обращался к личному Богу спасения [Rahner 1960, Kol. 543], ее текст, с определенными оговорками, можно рассматривать как ключевое звено в общении верующих с Богом [Osterman 1995, vol. I, blz. 19].

До нас дошли тексты молитв, фиксированные в письменном виде в пергаменных и бумажных молитвенниках. Молитвенники — самые читаемые книги позднего Средневековья — предназначались как для лиц духовного звания, так и для мирян. Их создавали для внецерковной индивидуальной молитвы, во время которой человек оказывался с Богом один на один (*facie ad faciem*, РНБ, Ms. Лат. О. v. I. 206, f. 179v, 266r). Первоначально молитвенники создавались только на латыни, однако с XIV в. в них встречаются отдельные молитвы на народных языках, затем появились целые кодексы с молитвами на национальных языках. Тексты молитв перемежались молитвенными медитациями, благочестивыми увещеваниями, учительными трактатами и видениями. Верующие записывали новые молитвы на пустых листах и на полях книг, приплетали к первоначальным блокам рукописей новые тетради, поскольку с течением времени появлялись новые молитвы. Молитвам предпосылались рубрики — выписанные красными чернилами пояснения по поводу того, как следует читать ту или иную молитву. Без изучения рубрик невозможно понять запечатленную в молитвенниках сферу интенсивной духовной жизни позднего Средневековья. На историко-культурную значимость такого рода информации, отсутствующей в других источниках, впервые обратил внимание П. Зенгер [Saenger 1989, p. 239–269]. Например, материал рубрик подтверждает на практике идеи теоретических средневековых трактатов о молитве, согласно которым молитвы должны проговариваться как вслух (*oratio vocalis*), так и мысленно (*oratio*

mentalis). Некоторые молитвы следовало «благочестивейше распевать». Иногда рубрики были длиннее самой молитвы: «Кто хочет в Боге совершенно и всем сердцем преуспеть, днем и ночью, сердцем и устами должен у Бога [о том] просить и произносить эти следующие семь слов», после чего следует короткий текст самой молитвы: «Господи Иисусе Христе, сделай так, чтобы я пламенно возлюбил тебя»<sup>1</sup>. Рубрики структурировали тексты молитвенников, отделяя один композиционный раздел (item) от другого, и служили своего рода руководством, разъяснявшим цель той или иной молитвы, называли ситуации, в которых ее следует читать, и полезный эффект, которым она обладает. Рубрики к одной и той же молитве варьировались от молитвенника к молитвеннику.

С рубриками неразрывно связан и такой значимый пласт индивидуальной религиозной жизни, как практика отпущения грехов [Angenend 1995, S.1–71]. В рукописях XV в. значительное место занимают молитвы, за прочтение которых давались отпущения грехов. Таким молитвам всегда предшествуют развернутые пояснения с детальным описанием, каким образом и сколько раз следует читать эти тексты, чтобы получить определенное число лет отпущений грехов. Примером может служить переписывавшаяся чаще других молитва «Молю тебя на кресте висящего» (*Adoro te in cruce pendentem*) [Logutova 1995, p. 682–690]. В одной рукописи рубрика обещала 40 014 лет и 87 дней отпущения грехов (Herzog August Bibliothek, Ms. 1313 Helmst., f. 5r). Рубрика другой рекомендовала читать ее «с благочестием и сокрушением сердца», т. е. с покаянием, за что полагалось 14 тыс. лет отпущения грехов<sup>2</sup>. Еще в одном молитвеннике верующий получал 40 014 лет и 72 дня отпущений, если после каждого сегмента молитвы прочитывал *Pater noster* и *Ave Maria*. Саму молитву следовало читать благочестиво, преклонив колени перед изображением папы Григория Великого, которому эта молитва приписывалась<sup>3</sup>.

1470–1525-е годы стали пиком католического молитвотворчества, временем, когда создавалось огромное число новых молитв [Achten 1987, S. 37]. Происходившие в это время в Германии религиозные процессы находили адекватное отражение в рукописных молитвенниках. Тексты молитвенников четко следовали основным тенденциям религиозного сознания общества и столь же четко указывали на происходившие в них изменения. Этот тезис находит подтверждение в шести хранящихся в Российской национальной библиотеке немецкоязычных молитвенниках, созданных во второй половине XV — первой трети XVI в. (РНБ, Ms. Нем. О. v.I. 3; Ms. Нем. О. v.I. 5; Ms. Ф. 955, оп. 2, № 51; Ms. Ф. 955, оп. 2, № 53; Ms. ОЛДП, № 162; Ms. Нем. О. I. 87) [Bondarko, Logutova, Lyakhovitskiy 2012, S. 123–155; Bondarko, Palmer 2016, S. 171–198].

Бумажный молитвенник РНБ Ms. Ф. 955, оп. 2, № 51 отличается сложностью состава. Рукопись поступила в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде

<sup>1</sup> «Qui vult in deum perfecte et toto corde proficere die noctique corde et ore debet a deo petere et dicere hec septem verba sequencia. Domine ihesu Xpiste fac quod te amem ardentem» (РНБ, Ms. Lat.O. v.I. 206, f. 217r).

<sup>2</sup> «Quicumque cum deuocione et contricione cordis dixerit quinque pater noster cum premissis septem oracionibus coram ymagine pietatis optinebit a sancto gregorio XIII milia annorum indulgenciarum quas Nicolaus Calixtus. et sucessores eorum confirmaverunt. prime tres oraciones sunt Gregorij. alie due Nicolai. ultime due Calixti» (РНБ, Ms. Lat.O. v.I. 206, f. 88v).

<sup>3</sup> «So dat alle de yennende de leset mit ynnicheit vp oren knyen vor der figuren sancti gregorij. dusse vorscreuen seuen bede vnde so uele pater noster vnde aue maria <...> de uor dener xl m iar aflates vnde xiiii iar vnde lxxii daghe edictis also bestetiget van dussen vorscreuen vnser hilgen vadere dem pawese sixtoIV in den iaren des heren do me scref mcccc vnde lxxxiii» (Herzog August Bibliothek, Ms. 1142 Helmst., f. 63v).

около 1946 г. Ранее она хранилась в Городской библиотеке Любека (Stadtbibliothek Lübeck) под шифром Ms. theol. germ. 42<sup>4</sup>. Кодекс состоит из девяти бумажных блоков, сплетенных вместе в конце XV в. в одной из переплетных мастерских Любека. Количество блоков определяется на основании видов бумаги и почерков. Поскольку писцовые записи и колофоны в них отсутствуют, исследование водяных знаков является необходимым условием для датировки каждого из блоков.

Исследование графики водяных знаков основано на определенных закономерностях в соотношении реалий существования бумажной мельницы и композиции ее товарной марки — водяного знака. Из исследований по истории бумажного производства [Lindt 1964; Tschudin 1958] и пр. известно, что мельница могла одновременно использовать для маркировки различных видов своей продукции несколько водяных знаков. Эти знаки могли относиться к одному или к разным сюжетам. В последнем случае они могли объединяться литерным сопровождением или маркой, указывающей на владельца мельницы. Наступление нового этапа в истории производства, связанного, например, с появлением нового владельца, могло повлечь за собой изменение всего набора используемых водяных знаков. Согласно этим закономерностям каждый водяной знак, наблюдаемый в рукописи, соотносился прежде всего с группой альбомных изображений, полностью совпадающих с ним по композиции. Хронологический интервал этой группы изображений очерчивает тот этап в истории производства, с которым связан разбираемый знак. Для уточнения временных границ этого этапа к исследованию привлекались группы знаков, относящихся к тому же сюжету либо имеющих схожую литерную часть, которые при этом хронологически примыкают к группе наиболее близких параллелей (т. е. могут относиться к предыдущему или последующему этапам жизни бумажной мельницы) либо совпадают с ним (т. е. могут маркировать другой сорт или формат бумаги, выпускаемой той же мельницей). О методике исследования подробнее см.: [Ляховицкий 2011, 2014, 2016].

Получившаяся в результате исследования картина представлена в табл. «Кодикологическая структура сборника РНБ Ms. Ф. 955, оп. 2, № 51».

Таким образом, исследование состава бумаги позволяет отнести время написания отдельных частей кодекса к 1430–1490 гг.

В диалектном отношении молитвенник весьма неоднороден. Хотя все тексты написаны на северо-западной разновидности средненижнемецкого языка, однако графико-орфографические и морфологические особенности разных блоков не позволяют сделать вывод о том, что все переписчики происходили из Любека.

Языковые особенности всех девяти блоков молитвенника были исследованы в работах Е. А. Власовой [Власова 2013а; Власова 2014], языковой материал рукописи послужил также ценным источником для исследования частных вопросов истории нижнемецкого языка [Власова 2013в; Власова 2015]. Как показала Е. А. Власова, большинство текстов любекского молитвенника обнаруживают черты классического средненижнемецкого письменного языка любекского происхождения (так называемое любекское койнэ). Ряд текстов третьего и шестого блоков демонстрирует вестфальскую диалектную окраску (написание следующих лексем через *oe*: *van my des ghestes doet*; *olige boem*; *en ciprissigem boem*). Наиболее сильно в диалектном отношении выделяется девятый блок. Его язык может быть определен одновременно

<sup>4</sup> Подробнее см.: [Bondarko, Logutova, Lyakhovitskiy 2012, S. 124–125, 132–133].

Блоки	Листы	Число тетрадей	Водяные знаки	Время использования бумаги
1	1–62	7	«Герб Шампани» <sup>1</sup> , «Лилия» <sup>2</sup> , «Два ключа» <sup>3</sup> , «Три горы» <sup>4</sup> , «Шесть гор» <sup>5</sup>	Середина 1480-х — начало 1490-х годов
2	63–86	2	«Рука» <sup>6</sup> , «Две лилии и две рыбы в щите» <sup>7</sup>	Середина 1470-х — рубеж 1490-х и 1500-х годов
3	87–94	1	«Герб Франции» <sup>8</sup>	Середина 1470-х — 1520-е годы
4	95–112	2	«Литера Р» (1) <sup>9</sup>	Середина 1460-х — начало 1480-х, не позже начала 1490-х годов
5	113–116	1	«Голова быка» (1) <sup>10</sup>	
6	117–140	2	«Литера Р» (1); «Голова быка» (1)	
7	141–190	4	«Литера Р» (2) <sup>11</sup> ; «Три горы» (2) <sup>12</sup> ; «Герб Франции» (2) <sup>13</sup> ; «Собака» <sup>14</sup> ; «Голова быка» (1); «Шесть гор»	
8	191	1	«Виноград» <sup>15</sup>	1450-е годы
9	192–213		«Голова быка» (2) <sup>16</sup>	1430–1540-е годы

<sup>1</sup> Бумага с данным водяным знаком содержится в тетради 1 (ф. 1–10). Знак наблюдается на ф. 3, ф. 10. Его определение затруднено тем, что на обоих листах окончание как нижнего, так и верхнего ряда литер водяных знаков оказалось срезано, поэтому сложно с уверенностью говорить о количестве орнаментальных элементов, а также о наличии или отсутствии дополнительного верхнего элемента в композиции знака. Таким образом, имеется несколько групп водяных знаков, изображающих герб Шампани, с которыми могут быть соотнесены знаки рассматриваемой рукописи (здесь и далее приводим только альбомные параллели с крайними датами): 1) Briquet, № 1045, 1466 г.; WILC, № 56404, 1496–1497 гг.; 2) Piccard Online, № 24440, 1466 г.; № 24434, 1497 г.; 3) Briquet, № 1046–1448, 1455 гг.; WILC, № 2611, 1482 г.; 4) Piccard Online, № 24455, 24498, 1481 г.; 5) Piccard Online, № 24486, 1463–1464 гг.; Briquet, № 1042, 1499 г.; 6) Piccard Online, № 24478, 1466 г.; WILC, № 1109, 1483 г.

<sup>2</sup> Знак наблюдается в рукописи на ф. 16 (нижняя часть) и ф. 18 (верхняя часть) (ср. Briquet, № 7226, 1482–1485 гг.; Piccard. Wasserzeichen Lilie, Abt.I.610, 1501 г.).

<sup>3</sup> Знак наблюдается в рукописи на ff. 20, 27 (кольца ключей) и ф. 21, 23 (зубцы ключей) (см. Piccard Online, № 120905, 1414 г.; Briquet, № 3856, 1447 г.).

<sup>4</sup> Знак наблюдается в рукописи на ff. 28/35 (нижняя часть) и ф. 29 (верхняя часть) (ср. Piccard. Wasserzeichen Dreiberger, № 2137–2138, 2140, 2142, 1481 г.; Briquet, № 11928–1486, 1492 гг.).

<sup>5</sup> Знак наблюдается в рукописи на ff. 38, 49, 55, 187 (верхняя часть); ff. 39, 45, 54, 188 (нижняя часть) (ср. Briquet, № 11944, 1486 г.; Piccard Online, № 154266–154267, 1491 г.)

<sup>6</sup> Знак наблюдается в рукописи на ф. 64 (нижняя часть) и ф. 71 (верхняя часть). Знаки такой композиции фиксируются в очень широком временном промежутке. Для датировки данной рукописи существенным является то обстоятельство, что самые ранние случаи употребления бумаги с водяными знаками такой композиции фиксируются с середины 1470-х годов, см. наиболее ранние (ср. Briquet № 1408–1475, 1477 гг.).

<sup>7</sup> Знак наблюдается в рукописи на ff. 77, 82 (верхняя часть); ф. 85 (нижняя часть). WILC, № 53595, 1476 г., WILC, № 2157, 1499 г. Имеется группа знаков, близких по композиции, но с шестью лилиями, которая последний раз фиксируется под 1476 г., т.е. примерно в то же время, когда впервые встречаются знаки с той же композицией, что и наблюдаемые в рукописи: см. WILC, № 1408, 53596.

<sup>8</sup> Briquet, № 1742, 1476, 1480 гг.; Piccard. Wasserzeichen Lilie, № 1647, 1651–1527 г.

<sup>9</sup> Знак наблюдается в рукописи на aa. 97, 100, 106, 111 (верхняя часть); ff. 98, 99, 105, 110, 112, 137 (нижняя часть). Знаки такого типа встречаются в широком временном диапазоне начиная с 1460-х годов (см. наиболее ранние: Briquet, № 8527, 1463–1469 гг.).

<sup>10</sup> Знак наблюдается в рукописи на ff. 116, 121, 180 (верхняя часть); ff. 181, 122 (нижняя часть). Знаки такого типа наблюдаются в широком временном диапазоне. Для датировки данной рукописи существенным является то обстоятельство, что самые поздние случаи употребления бумаги с водяными знаками такой композиции фиксируются в конце XV — начале XVI в. (см.: Piccard. Die Ochsenkopfwasserzeichen, Abt.VII, № 120–121, 1495–1498 гг.; № 597, 1499 г.; № 131, 1502 г.; № 246–247, 1504 г.; № 246–247, 1514 г.).

<sup>11</sup> Знак наблюдается в рукописи на ff. 143, 145 (верхняя часть); ff. 142, 146 (нижняя часть) (ср. Piccard. Wasserzeichen Buchstabe P, Abt. XIII, № 396–398, 1459–1460 гг.; Abt. XII, № 64, 1536 г.).

<sup>12</sup> Знак наблюдается в рукописи на ff. 153, 157 (верхняя часть); ff. 154, 158 (нижняя часть) (ср. Piccard online, № 151536, 1463 г.; № 151748, 1501 г.).

<sup>13</sup> Знак наблюдается в рукописи на ff. 168, 182 (верхняя часть); f. 167 (нижняя часть) (ср. Piccard. Wasserzeichen Lilie, № 1556–1557, 1455–1459 гг.; Briquet, № 1748, 1519 г.).

<sup>14</sup> Знак наблюдается в рукописи на ff. 178/186 (ср. Briquet, № 3623, 1467 г.; № 3624, 1482 г.). Имеется еще группа знаков со схожей композицией, но без розетки, со схожим временем бытования: Briquet, № 3621, 1475–1477 гг.; № 3622, 1490 г.

<sup>15</sup> Знак наблюдается в рукописи на f. 191: Piccard. Wasserzeichen Frucht, Abt. I. № 623–624, 1452 г.; № 636–637, 1458 г.

<sup>16</sup> Знак наблюдается в рукописи на ff. 195, 203, 207 (верхняя часть); ff. 194, 197, 200, 208 (нижняя часть) (см. Briquet № 14185, 1433 г.; Piccard. Die Ochsenkopfwasserzeichen. Abt. IX, № 339, 1545–1546 гг.).

и как вестфальский диалект средненижнемецкого языка, и как один из северно-восточных диалектов средненидерландского. Проведенное Власовой лингвистическое сопоставление девятого блока любекского молитвенника с тремя восточно-нидерландскими молитвенниками из пограничной нидерландско-нижнемецкой контактной зоны (РНБ, Ms. Голл. О. v. I. 1; Ms. Голл. О. v. I. 4 и Ms. Голл. О. v. I. 10) позволило выявить признаки смешения средненидерландских и средненижнемецких признаков во всех четырех рукописях, содержащих, как было установлено в ходе исследования, параллельные списки одной и той же редакции покаянных псалмов. Было выявлено несколько случаев параллельного использования средненидерландских и средненижнемецких вариантов в одном и том же списке — например, формы *zünde* и *sonden*, *here* и *heer*. Диалектные признаки северно-голландского (*ons*) сочетаются с любекскими чертами (переход /a/ → /o/ перед *ld*, *lt* без характерной нидерландской ассимиляции с *l*; гласный /u/ в местоимении *uns* вместо сндл. *ons*) и вестфальскими диалектными особенностями (*bloet*). Впрочем, нижнемецкие (особенно вестфальские) черты в девятом блоке молитвенника Ms. Ф. 955, оп. 2, № 51 заметно преобладают, о чем свидетельствует, в частности, последовательная реализация окончания множественного числа глагола в виде *-(e)t* [подробнее см.: Власова 2014; Власова 2013, с. 173].

Обратимся к содержанию сборника.

**I блок** (f. 1–61, один почерк) начинается тремя циклами молитв к Христу, на кресте висящему: 10 псалмов о Господе нашем Иисусе Христе на кресте (f. 1r–14v), молитвы о семи словах Христа последних (f. 15r) и молитва *Молю тебя на кресте висящего* (*Adoro te in cruce pendentem*) на немецком языке из семи сегментов<sup>5</sup>. Предваряющая молитву рубрика обещает за ее прочтение 40 014 лет и 72 дня отпущения грехов (f. 19v). Эта молитва — в том же переводе, но из пяти сегментов и без рубрики — записана также в третьем блоке книги<sup>6</sup>. По два раза молитва *Adoro te* встречается и в некоторых других немецких молитвенниках<sup>7</sup>. Молитва *Adoro te in cruce*

<sup>5</sup> «O here ihesu xpiste ik anbede dy also du hangedest in deme cruce vnde drogestene dorne kronen vp dyneme houde» (f. 19v).

<sup>6</sup> «Here ihesu xpisti yk anbede dy also du hangeste an deme cruce wide drogestene dome kronen vp dynen houede» (f. 94).

<sup>7</sup> РНБ, Ms. Lat. O. v. I. 206, f. 86r–87v; 206v–207v (дважды на латыни); НАВ Ms. 1222 Helmst., f. 67v, f. 135r (дважды на латыни); НАВ Ms. 1279 Helmst., f. 247v, f. 332r (дважды на немецком; НАВ Ms. 1140 Helmst., f. 93v, f. 94v (на латыни, и сразу же дан немецкий перевод)).

*pendentem* чаще других встречается в молитвенниках северонемецкого региона и, как правило, начинается сегментом, в котором молящийся обращается к Христу, на кресте висящему, с терновым венцом на голове, что, собственно, и дало название самой молитве<sup>8</sup>. Сегмент, в котором речь идет о Христе — добром Пастыре, обычно стоит шестым, если в молитве семь сегментов (f. 20r), или четвертым, если молитва состоит из пяти сегментов (f. 94r), т. е. в любом случае — на предпоследнем месте, предваряя сегмент с молитвой о лютых страданиях, принятых Христом за людей.

Подбор молитв в первом блоке рукописи РНБ Ms. Ф. 955, оп. 2, № 51 продуман с учетом особенностей человеческой психики. После молитв о последнем и самом тяжелом эпизоде Страстей, требовавших от молящегося напряжения всех душевных сил, дана эмоциональная разрядка в виде молитв о радостях двух женщин, с которыми общался Христос в своей земной жизни: *De vyf vroude de sancte marien magdalenen* (f. 22v) и *De souen hemelschen vraude der werdegen jüncfrouwen marien* (f. 23v). При переплетении между ff. 23 и 25 с текстом семи радостей Марии был вставлен лист с молитвой о св. Варфоломее, написанный другим почерком (f. 24r). Затем идут молитвы о 7 *Pater noster* (f. 26r), и завершают первый блок «Откровения св. Бригитты» (*De apenbarynge de Sunte brigitten*, f. 31v).

**II блок** (f. 64r–86v, 1 почерк) содержит цикл молитв о 33 эпизодах земной жизни Христа от рождения и до воскресения, с акцентом на человеческой природе Христа: «Ты прикрыл свою вечную божественность одеждой нашей испорченной человеческой природы, и [вследствие этой произошедшей] по твоей воле перемены Ты, Господи, стал нашим братом. А мы твоими сестрами. Так что теперь у нас одна мать ...»<sup>9</sup> К Христу обращаются как к «милосердному верному брату»<sup>10</sup>. Как человек Христос подвержен чувству страха, и в одной из молитв его заклинаят «невыразимым страхом», пережитым им на Масличной горе<sup>11</sup>. Последняя из 33 молитв обращена к воскресшему Христу, но не к Христу во славе одесную отца Небесного, но к Христу, сидящему в окружении любимой матери, любимых апостолов и любимых братьев<sup>12</sup>. Весь цикл, начиная с первой молитвы, пронизан темой любви Христа к людям: «Дорогой и любимый Господь Иисус Христос, я молю тебя всей твоей любовью, которую ты [даровал] людям»<sup>13</sup>. Единственная читательская запись на полях кодекса сделана почерком конца XV в. и отмечает молитву о страданиях Богоматери: «”+ dyne leuen moder”» (f. 82v).

<sup>8</sup> «O here ihesu xpiste ik anbede dy also du hangedest in deme cruce vnde drogest ene dorne kronen vp dyneme houde dy grote vnde anbede dy ik bidden de dat dyn cruce uw lose van deme slanden engele» (f. 20r).

<sup>9</sup> «Dar du bedeckedest de ewige godheyt myt deme klyde vnser brokafftigher mynscheyt In der suluen wandelinghe du here vnse broder byst geworden. Vnde wy dyne (f. 66r) sustere So hebbe wy ok eyne moder to welker wy bildeliken ene to vlucht hebben» (f. 65v). — Возможно, этот второй блок был заимствован из заказанного женщиной молитвенника («А мы [стали] твоими сестрами»), хотя первая молитва цикла и написана от лица мужского рода («armensunder», f. 65r).

<sup>10</sup> «milde getruwe broder» (f. 71v).

<sup>11</sup> «Ik vormane dy leue mynnichlike here ihesus cristus des vnteliken angestes den du haddest jegen den bitteren dot do du dy vp den berch biedest vnde dynen hemmelschen vader anbedest vnde sprekest...» (f. 69r).

<sup>12</sup> «Ik vormane dy leue here dattu setest by dyner leuen moder vnde dynen leuen jungeren vnde by dynen anderen leuen brudern ...» (f. 86v).

<sup>13</sup> «Leue mynnichlike herre ihesus cristus ik bidde dy dorch alle dyne leue de du allen mynsche yotrendes ...» (f. 65r).

**III блок** (f. 87r–94v, 1 почерк). Листы этого блока короче в среднем на 1 см со всех трех сторон. Тетрадка содержит «Завет, данный Богом на горе св. Михаила». На f. 90v другим почерком записаны молитвы к частям тела Христа, но на л. 91 текст завета продолжен. На последнем листе во второй раз записана упоминавшаяся выше молитва *Adoro te in cruce pendentem* на немецком языке из пяти сегментов.

**IV блок** (f. 95r–112v, 1 почерк) полностью посвящен св. Анне. Культ св. Анны, матери Девы Марии, после 1480 г. получил широкое распространение в монашеской и особенно в светской среде (Dörfler-Dierken 1992, S. 83). Св. Анну многократно изображали вместе с дочерью и внуком (иконография “Anna Selbdritt”). Леонардо да Винчи дважды обращался к образу св. Анны. Картина «Св. Анна с дочерью и внуком Иисусом Христом» в настоящее время находится в Лувре, картон на этот сюжет кисти Леонардо — в Британском музее.

Впервые имя матери Девы Марии встречается в так называемом Протоевангелии Иакова (*Protoevangelium Jacobi*, не ранее 150 г.). В апокрифическом Евангелии Псевдо-Матфея (*Evangelium pseudo-Matthaei*, гл. 42, конец V в.) говорится о том, что у Анны был еще один муж по имени Клеопа (Cleophas), от которого родилась дочь, которую также назвали Марией. В нижнесаксонских молитвенниках XV в., как и в нашей рукописи, переписывали один из вариантов легенды, по которой у бабушки Христа было три мужа (Ms. 1073 Helmst., f. 1r-4v; Ms. 1272 Helmst., f. 63r; Ms. 1282 Helmst., f. 40r; Ms. 1318 Helmst., f. 256r). Этот вариант имеется также еще в одном молитвеннике Российской национальной библиотеки (РНБ, Ms. ОЛДП. О. 162, f.78r–79r). В соответствии с апокрифами, от каждого мужа св. Анна родила по дочери, нареченной Марией. Первым ее мужем был св. Иоаким, вторым — уже упоминавший выше Клеопа, третьим — Саломей (Salomas). Дочери Анны вышли замуж. Мужем дочери Иоакима стал Иосиф, мужем Марии Клеоповы (Maria Cleophas) — Алфей, Марии Саломеевой — Зеведей. У каждой были сыновья: у первой Марии — Иисус, у второй — Симон Зелот, Иуда Фаддей, Иаков Младший и Иосиф (Справедливый). Сыновьями третьей Марии были Иоанн Евангелист и Иаков Старший. Мать Иоанна Крестителя, св. Елизавета, была племянницей св. Анны, дочерью ее родной сестры. По этой легенде половина апостолов приходилась Христу кузенами, а крестивший его Иоанн был троюродным братом. Св. Анна как родоначальница большой семьи изображалась в окружении всех своих родных. Эта иконография известна в Германии как *die Heilige Sippe*. Для бюргеров св. Анна была главой прекрасной большой семьи, олицетворением брака и связанных с ним обязанностей и радостей. В городах существовали братства св. Анны (Annenbruderschaften) [Dörfler-Dierken 1992, S. 37]. Северные гуманисты использовали образ этой святой в воспитательных целях как образец жены и матери. Гуманист и книговед Иоганн Тритемий (1462–1516) почитал ее превыше всех святых [Tritemius 1494, Cap. 13]. Многие годы св. Анна была любимой святой Мартина Лютера [Dörfler-Dierken 1992, S. 21–22]. Св. Анне посвящались трактаты, стихотворения, проповеди. Из монашеских кругов вышло около тысячи обращенных к ней молитв [Dörfler-Dierken 1992, S. 32], особенно в немецкоязычных регионах [Dörfler-Dierken 1992, S. 35].

Главное отличие записанного в Ms. F.955, op. 2, № 51 апокрифа как от других списков легенды, так и от канонических Евангелий состоит в том, что мужем первой Марии, матери Христа, назван некто Jacobus. Казалось бы, описка, но через две фразы св. Иосиф опять назван Jacobus. При этом переписчик не путал имена Ясо-

bus и Joseph. Перечисляя кузенов Христа, он написал эти два имени подряд, правда, вывел имя Иосиф без последней буквы *h*: «Symon Yudas Jacobus minor Josep(!) Justus». Любопытно, что муж второй Марии, которую по отцу величали Мария Клеопа, также назван Клеопа, а не Алфей. На следующих за апокрифом 14 листах записаны молитвы к св. Анне.

**V блок** (f. 113r–116v, 1 почерк) содержит Псалтырь (Salter) на *Ave Maria*, с комментариями на каждое слово латинской молитвы. Слова второй по значимости христианской молитвы выписаны в тексте красными чернилами. Выведенная красными же чернилами писцовая запись «Orate pro scriptore hebbe gy de tyd» (f. 115v) говорит о том, что эта тетрадь завершала какой-то другой молитвенник.

Писцовые записи, которыми переписчики завершали свой нелегкий труд, составляют особый раздел культуры позднего Средневековья. По большей части писцы просили молиться за себя («Orate pro scriptore»), но встречаются также записи шутливо-игрового характера, например: «Заканчивается [книга], и пусть заканчивается, а писец идет веселиться» [Logutova 2012, S. 83]. В записи, завершающей *Псалтырь на Ave Maria*, переписчик воспользовался обоими вариантами формул, причем для благочестивой записи избрал латынь, а шутливую записал на своем родном языке — «если у вас есть [на это] время».

**VI блок** (f. 117r–140v, 1 почерк) содержит молитвы и суффрагии святым.

**VII блок** (f. 141r–190v, 3 почерка). В этом блоке записан анонимный (или псевдонимный) перевод известного латинского рифмованного трактата «Вопросы св. Ансельма к Деве Марии о Страстях Господних» («Interrogatio Sancti Anselmi de Passione Domini») <sup>14</sup>. Этот текст насчитывает 1255 стихов и начинается следующим образом: «Anselmus was en hillich man / He hadde dar langhe nastan / Dar he gheme wolde weten / Wat vnse here hadde beseten...» (f.141r–177v).

Просчет стихов сделан карандашом тем же почерком XIX в., что и фолиация в верхних правых углах листов. Вторым и третьим почерком записаны молитвы к Деве Марии и к святым (f. 177v–183v, 184r–186v). Рубрика к гимну *Salve regina* сообщает, что он записан по-немецки: «Dyt is salue regina to dude» (f. 186r). Молитва к святой Маргарите, на f. 186v, не дописана. На f. 187v восполняется недостающий текст молитвы к св. Маргарите почерком переписчика первого блока кодекса («...Vnde dorch alle de mar (f. 187r) tere de du vmme godes willen hest...»), что дает основание считать его составителем всего кодекса. Следом идет молитва к св. Доротею (без рубрики).

**VIII блок** (f. 191, 1 почерк). От восьмого блока остался только один лист с двумя молитвами к Христу, остальные три листа вырваны.

**IX блок** (f. 192–213, 1 почерк). Эти две последние в кодексе тетради составляли окончание другого молитвенника. Текст вверху f. 192r наполовину стерт, на оставшихся местах записаны отрывки из произведений св. Августина и св. Григория: «Augustinus secht... Gregorius secht...» Рубрика на следующем листе сообщает, что далее следуют семь покаянных псалмов на немецком («Hir begint de seuen salmen to dude»), за псалмами записаны летании.

В последнем блоке есть две писцовые записи. Запись на предпоследнем листе просит молиться за переписчика: «Hijr Endiget de zeuen salmen Bidd vor den scriuer

<sup>14</sup> Подробнее об этом памятнике и современном состоянии его текстологического изучения см.: [Dipper, Schultz-Balluff 2013].

vm got» (f. 212r). На обороте после двух молитв тем же почерком сделана еще одна запись: «De sik wat vorsat of vnrechte screuen si bid ik deuoet vm got dattu lesen dat corriegyren vnde betteren». Эти писцовые записи показывают наличие у переписчика двух уровней сознания по отношению к написанному слову. Просьба молиться за писца соответствует традиционно сакральному пониманию книги. Вторая запись, выражающая заботу о правильности переписанного текста, содержит отголоски гуманистических веяний: «Если я что пропустил или неправильно написал, благочестиво молю Бога, чтобы ты, читая, исправил и улучшил».

Анализ рукописи Ms. Ф. 955, оп. 2, № 51 показывает, что с точки зрения содержания она представляет собой типичный для второй половины XV — начала XVI в. немецкоязычный молитвенник: тексты молитв и рубрик записаны на народном языке, отдельные латинские слова обозначают лишь привычные слуху названия: *Pater noster*, *Ave Maria*; молитвенник христо- и мариецентричен, содержит апокрифические легенды о св. Анне с подборкой обращенных к ней молитв, молитвы к остальным святым немногочисленны.

С точки зрения своей кодикологической структуры данный молитвенник является типичным представителем недорогих бумажных молитвенников, которые, как правило, не оставались в неизменном виде с момента создания, а видоизменялись и дополнялись владельцами, руководствовавшимися собственными религиозными переживаниями и представлениями. Напротив, дорогие пергаменные кодексы записывались одним почерком и были иллюминированы, для них характерны четкая композиция молитвенных текстов и наличие составных частей часовников: литургического календаря, покаянных псалмов, литаний святым.

## Источники и литература

- Власова Е. А. Диалектные особенности средненижнемецкого языка в молитвеннике XV в. из Любека (РНБ, Ф. 955 оп. 2 № 51) // Индоевропейское языкознание и классическая филология: Материалы восемнадцатых чтений памяти И. М. Тронского «Индоевропейское языкознание и классическая филология — XVIII». СПб.: Наука, 2013а. С. 160–175.
- Власова Е. А. К вопросу о вытеснении простого претерита в средненижнемецком языке // Вопросы языкознания. 2015. № 1. С. 78–85.
- Власова Е. А. Особенности функционирования приставки *ge-* в глагольных причастиях прошедшего времени в средненижнемецком // Проблемы языка: сб. науч. статей по материалам Второй конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» / под ред. Е. М. Девяткиной. М.: Институт языкознания РАН, 2013в. С. 78–90.
- Власова Е. А. Особенности среднидерландского и средненижнемецкого вокализма в молитвенных книгах XV–XVI вв. // Acta Linguistica Petropolitana. 2014. Т. 10, ч. 1, вып. 6. СПб.: Наука, 2014. С. 452–462.
- Ляховицкий Е. А. Исследование бумаги в изучении письменных памятников. Проблемы классификации и интерпретации водяных знаков // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ) / Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Т. LXII. СПб.: Наука, 2014. С. 654–661.
- Ляховицкий Е. А. Классификация в филигранографии: удобство поиска или возможность интерпретации? // Фотография. Изображение. Документ: науч. сб. Вып. 2 (2). СПб.: Санкт-Петербургская общественная организация культуры «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОБЩЕСТВО «А — Я», 2011. С. 38–48.
- Ляховицкий Е. А. Основные подходы к интерпретации водяных знаков бумаги древнерусских рукописей // Петербургская библиотечная школа. № 3 (55). СПб.: БАН, 2016. С. 27–29.
- Achten G. Das christliche Gebetbuch im Mittelalter // Andachts- und Stundenbücher in Handschrift und Frühdruck: Staatsbibliothek Preussischer Kulturbesitz. Ausstellungskatalog. Berlin: Reichert Verlag, 1987. S. 7–44.

- Angenend A., Brauks Th., Busch R., Lentes Th., Lutterbach H. Gezählte Frömmigkeit. Schriftlichkeit als Instrument der Absicherung und Beförderung des Zählens von Frömmigkeitsakten. Sonderforschungsbereich 231 „Träger, Felder, Formen pragmatischer Schriftlichkeit im Mittelalter // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 29 (1995). Münster: Münster Universität, Institut für Frühmittelalterforschung, 1995. S. 1–71.
- Bondarko N. I., Logutova M., Lyakhovitskiy E. Mittelniederdeutsche geistliche Prosa in Handschriften der Russischen Nationalbibliothek St. Petersburg // *Manuscripta germanica*. Deutschsprachige Handschriften des Mittelalters in Bibliotheken und Archiven Osteuropas. Stuttgart: S. Hirtzel Verlag, 2012. S. 123–155.
- Bondarko N., Palmer N. Ein elsässisches Gebetbuch in der Russischen Nationalbibliothek zu St. Petersburg: Befund und Deutung // *Mittelalterliche und neuzeitliche Bestände in russischen Bibliotheken und Archiven. Ergebnisse der Tagungen des deutsch-russischen Arbeitskreises an der Philipps-Universität Marburg (2012) und an der Lomonosov -Universität Moskau (2013)*. Erfurt: Verlag der Akademie gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt, 2016. S. 171–198.
- Dipper S., Schultz-Balluff S. The Anselm Corpus: Methods and perspectives of a parallel aligned corpus // *Proceedings of the workshop on computational historical linguistics at NODALIDA 2013*. NEALT Proceedings Series 18 / Linköping Electronic Conference Proceedings 87. P. 27–42. URL: <http://www.ep.liu.se/ecp/087/003/ecp1387003.pdf> (дата обращения: 15.02.2017).
- Dörfler-Dierken A. Die Verehrung der heiligen Anna in Spätmittelalter und früher Neuzeit. Goettingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1992. 388 S.
- Haimeri F. X. Mittelalterliche Frömmigkeit im Spiegel der Gebetbuchliteratur Süddeutschlands. München: Karl Zink-Verlag, 1952, 185 blz.
- Lentes T. Gebet und Gebärde. Religiöses Ausdrucksverhalten in spätmittelalterlichen Gebetbüchern (1350–1550): Inaugural Diss. München, 1996.
- Lindt J. The paper-mills of Berne and their watermarks: 1465–1859. Hilversum: Paper publ. Society, 1964. 203 p., 178 pl.
- Logutova M. G. Intellectual life of the Middle Ages as it appears in the scribes' owners' and readers' notes in the German manuscripts at the National Library of Russia (St. Petersburg) // *Deutsch-russische Arbeitsgespräche zu mittelalterlichen Handschriften und Druken aus Halberstadt in russischen Bibliotheken*. Erfurt: Steiner Verlag, 2012. S. 83.
- Logutova M. G. The prayer *Adoro te in cruce pendentem* in the Helmstedt collection codices from the Herzog August Bibliothek, Wolfenbüttel, Germany // *Индоевропейское языкознание и классическая филология — XIII (Чтения памяти И. М. Тронского): материалы международной конференции, 22–24 июня 2009 г.* СПб.: Наука, 2009. С. 682–690.
- Meertens M. (*Imelda*). De godsvrucht in de Nederlanden naar handschriften van gebedenboeken der 15e eeuw. Antwerpen: Dekker — Van de Vegt, 1930. 167 p.
- Nixon V. Mary's Mother: Saint Anne in Late Medieval Europe. University Park: Penn State University Press, 2004. 173 p.
- Ochsenbein P. Deutschsprachige Privatgebetbücher vor 1400 // *Deutsche Handschriften 1100–1400*. Tübingen: De Gruyter Verlag, 1988. S. 379–398.
- Oosterman J. B. De gratie van het gebed. Overlevering en functie van Middelnederlandse berijmde gebeden. In 2 vol. Amsterdam: Prometheus, 1995. 460 p.
- Rahner K. [Gebet] IV. Dogmatisch // *Lexikon für Theologie und Kirche*. Bd. 4. Freiburg; Besgau: Herder Verlag, 1960. Col. 543.
- Staubach N. Text als Prozess // *Pragmatische Dimensionen mittelalterlicher Schriftkultur (Akten des Internationalen Kolloquiums, 26. — 29. Mai 1999)*. Munich: Wilhelm Fink Verlag, 2002. S. 251–276.
- Saenger P. Book of Hours and the Reading Habits of the Later Middle Ages // *The Cultur of Print. Power and the Uses of Print in Early Modern Europe*. Cambridge: CUP, 1989. P. 239–269.
- Tschudin W. F. Paper Mills of Basle. Hilversum: Paper publication Society Publ., 1958. 273 p.
- Tritemius J. De laudibus sanctissimae matris Annae. Mainz: Peter Friedberg, 1494. 32 Bl.

## References

- Vlasova E. A. Dialektnye osobennosti srednenizhnenemetskogo iazyka v molitvennike XV v. iz Liubeka [Dialect features of Middle Low German in the 15<sup>th</sup> century prayer book from Lubeck (The National Library of Russia, f. 955, inv. 2, no. 51)]. *Индоевропейское языкознание и классическая филология — XVIII [Indo-European Linguistics and Classical Philology — XVIII]*. Proceedings of the 17<sup>th</sup> Conference

- in Memory of Professor Joseph M. Tronsky. June 24–26, 2013a. St. Petersburg, Nauka Publ., 2014, pp. 160–175. (In Russian)
- Vlasova E. A. K voprosu o vytesnenii prostogo preterita v srednenizhnenemetskom iazyke [On the decline of simple preterit in Middle Low German]. *Voprosy iazykoznaviia* [Topics in the study of language], 2015, vol. 1, pp. 78–85.
- Vlasova E. A. Osobennosti funktsionirovaniia pristavki *ge-* v glagol'nykh prichastiakh proshedshego vremeni v srednenizhnenemetskom [Functioning of prefix *ge-* in the verbal past participle in Middle Low German]. *Problemy iazyka: sb. nauch. statei po materialam Vtoroi konferentsii-shkoly "Problemy iazyka: vzgliad molodykh uchenykh"* [The Problems of Language: the collection of articles on the materials of the Second Conference-School "The Problems of Language: the View of Young Scientists"]. Ed. by E. M. Devyatkina. Moscow, Institute of Linguistics (RAS) Publ., 2013b, pp. 78–90. (In Russian)
- Vlasova E. A. Osobennosti sredneniderlandskogo i srednenizhnenemetskogo vokalizma v molitvennykh knigakh XV–XVI vv. [Distinctive features of Middle Dutch and Middle Low German vocalism in the 15<sup>th</sup>–16<sup>th</sup> centuries prayer books]. *Acta Linguistica Petropolitana*, vol. 10, part 1, no. 6. St. Petersburg, Nauka Publ., 2014, pp. 452–462. (In Russian)
- Lyakhovitskiy E. A. Issledovanie bumagi v izuchenii pis'mennykh pamiatnikov. Problemy klassifikatsii i interpretatsii vodianykh znakov [Researching of paper in the study of monuments of writing. The problems of classification and interpretation of watermarks]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury (TODRL) / Institut russkoi literatury (Pushkinskiy Dom)* [The Works of the Department of Old Russian Literature (TODRL) / Institute of Russian Literature (Pushkin House)], vol. LXII. St. Petersburg, Nauka Publ., 2014, pp. 654–661. (In Russian)
- Lyakhovitskiy E. A. Klassifikatsiia v filigranografii: udobstvo poiska ili vozmozhnost' interpretatsii? [Classification in filigranologie: Search convenience or the possibility of interpretation?]. *Fotografiia. Izobrazhenie. Dokument: Nauchnyi sbornik* [The photo. Picture. Document: Scientific collection]. Vol. 2(2). St. Petersburg, Sankt-Peterburg common organization of culture «SANKT-PETERBURG-SKOE OBSHCHESTVO «A — IA» Publ., 2011, pp. 38–48. (In Russian)
- Lyakhovitskiy E. A. Osnovnye podkhody k interpretatsii vodianykh znakov bumagi drevnerusskikh rukopisei [Basic approaches to the interpretation of watermark paper ancient manuscripts]. *Peterburgskaia bibliotchnaia shkola* [Petersburg Library School], no. 3 (55). St. Petersburg, BAN Publ., 2016, pp. 27–29. (In Russian)
- Achten G. Das christliche Gebetbuch im Mittelalter [Christian prayer book in the Middle Ages]. *Andachts- und Stundenbücher in Handschrift und Frühdruck: Staatsbibliothek Preussischer Kulturbesitz* [Devout prayers and Breviary in manuscripts and early editions]. State Library of Prussian Cultural Heritage: The exhibition catalog. Berlin, Reihert Verlag, 1987, pp. 7–44. (In German)
- Angenend A., Brauks Th., Busch R., Lentes Th., Lutterbach H. Gezählte Frömmigkeit. Schriftlichkeit als Instrument der Absicherung und Beförderung des Zählens von Frömmigkeitsakten. Sonderforschungsbereich 231, Träger, Felder, Formen pragmatischer Schriftlichkeit im Mittelalter [Calculate (count calculated) piety. Writing as a software tool (save) and the promotion of piety acts. Special Research Project 231 "Carriers field (sphere) and forms of pragmatic written in the Middle Ages"]. *Frühmittelalterliche Studien* [Early medieval studies]. Vol. 29, Münster: Münster University, Institute of Early Medieval Research Publ., 1995, pp. 1–71. (In German)
- Bondarko N., Logutova M., Lyakhovitskiy E. Mittelniederdeutsche geistliche Prosa in Handschriften der Russischen Nationalbibliothek St. Petersburg. [Middle german spiritual prose in the manuscripts of the National Library of Russia]. *Manuscripta germanica. Deutschsprachige Handschriften des Mittelalters in Bibliotheken und Archiven Osteuropas*. [Manuscripta germanica. German medieval manuscripts in libraries and archives of Eastern Europe] (ZfdA. Beiheft 15), Stuttgart, S. Hirtzel Verlag, 2012, pp. 123–155. (In German)
- Bondarko N., Palmer N. Ein elsässisches Gebetbuch in der Russischen Nationalbibliothek zu St. Petersburg: Befund und Deutung [An Elsass Prayer Book at the National Library of Russia (St. Petersburg): Manuscript and its Interpretation]. *Mittelalterliche und neuzeitliche Bestände in russischen Bibliotheken und Archiven. Ergebnisse der Tagungen des deutsch-russischen Arbeitskreises an der Philipps-Universität Marburg (2012) und an der Lomonosov Universität Moskau (2013)*. [Medieval and Modern Collections in Russian Libraries and Archives. Proceedings of the German-Russian Colloquium at the Philipps University Marburg (2012) and in the Lomonosov University Moscow (2013)]. Ed. by Natalija Ganina, Klaus Klein, Cathrine Squires and Jürgen Wolf (Academie of Public Wealth Science in Erfurt, Special number 47; German-Russian Studies in the Book History 3, ed. by Rudolf Bentzinger). Erfurt, Publishing House of Academy of Public Wealth Science in Erfurt, 2016, pp. 171–198. (In German)

- Dipper S., Schultz-Balluff S. The Anselm Corpus: Methods and perspectives of a parallel aligned corpus. *Proceedings of the workshop on computational historical linguistics at NODALIDA 2013. NEALT Proceedings Series 18 / Linköping Electronic Conference Proceedings 87*, pp. 27–42. Available at: <http://www.ep.liu.se/ecp/087/003/ecp1387003.pdf> (assecced 15.02.2017).
- Dörfler-Dierken Angelika. Die Verehrung der heiligen Anna in Spätmittelalter und früher Neuzeit [*The veneration of St. Anna in the Middle Ages and early modern times*]. Goettingen, Vandenhoeck & Ruprecht Publ., 1992, 388 p. (In German)
- Haymerl T. Mittelalterliche Frömmigkeit im Spiegel der Gebetbuchliteratur Süddeutschlands. [*Medieval piety in the mirror of south-german prayer books*]. München, Karl Zink Publ., 1952, 185 p. (In German)
- Lentes T. *Gebet und Gebärde. Religiöses Ausdrucksverhalten in spätmittelalterlichen Gebetbüchern (1350–1550)*: [Prayer and gesture. Ways of expression of religious beliefs in the late medieval prayer books (1350–1550)]: the thesis for the degree of Dr. Phil. Munich, 1996. (In German)
- Lindt J. *The paper-mills of Berne and their watermarks: 1465–1859*. Hilversum, Paper Publ. Society, 1964, 203 p., 178 pl.
- Logutova M. G. Intellectual life of the Middle Ages as it appears in the scribes' owners' and readers' notes in the German manuscripts at the National Library of Russia (St. Petersburg). *Deutsch-russische Arbeitsgespräche zu mittelalterlichen Handschriften und Druken aus Halberstadt in russischen Bibliotheken* [German-Russian Working Group on the study of medieval manuscripts and editions of Halberstadt in Russian libraries]. Erfurt, Steiner Publ., 2012, p. 83.
- Logutova M. G. The prayer *Adoro te in cruce pendentem* in the Helmstedt collection codices from the Herzog August Bibliothek, Wolfenbüttel, Germany]. *Indoyevropeyskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya — XIII (chteniya pamyati I. M. Tronskogo). Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, 22–24 iyunya 2009 g.* [Indo-European Linguistics and Classical Philology — XIII. Proceedings of the 13<sup>th</sup> Conference in Memory of Professor Joseph M. Tronsky, 22–24 June 2009]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009, pp. 682–690.
- Meertens M. (Imelda). *De godsvrucht in de Nederlanden naar handschriften van gebedenboeken der 15e eeuw* [Devotion in The Netherlands in the manuscript prayerbooks in 15e century]. Antwerpen, Dekker — Van de Vegt, 1930, 167 p. (In Dutch)
- Nixon V. *Mary's Mother: Saint Anne in Late Medieval Europe*. University Park, Penn State University Press, 2004, 173 p.
- Ochsenbein P. *Deutschsprachige Privatgebetbücher vor 1400* [Personal German-language prayer books, created before 1400]. *Deutsche Handschriften 1100–1400* [German manuscript 1100–1400]. Tübingen, De Gruyter Publ, 1988, pp. 379–398. (In German)
- Osterman J. B. *De gratie van het gebed. Overlevering en functie van Middelnederlandse berijmde gebeden* [Grace of prayers. The tradition and the function of the middledutch rhymed prayers]. In 2 vol. Amsterdam, Prometheus Publ, 1995, 460 p. (In Dutch)
- Rahner K. [Gebet] IV. Dogmatisch [[Prayer]. IV. Dogma]. *Lexikon für Theologie und Kirche* [The theological and ecclesiastical vocabulary]. Bd. 4. Freiburg; Besgau, Herder Publ, 1960, Coll. 543.
- Staubach N. Text als Prozess [The text as the process]. *Pragmatische Dimensionen mittelalterlicher Schriftkultur (Akten des Internationalen Kolloquiums, 26. — 29. Mai 1999 process.* [The pragmatic dimension (value scale) of medieval written culture. (Proceedings of the International Colloquium, 26–29 May 1999)]. Munich, Wilhelm Fink Publ, 2002, pp. 251–276. (In German)
- Saenger P. *Book of Hours and the Reading Habits of the Later Middle Ages. The Cult of Print. Power and the Uses of Print in Early Modern Europe*. Cambridge, CUP Publ., 1989, pp. 239–269.
- Tritemius Johannes. *De laudibus sanctissimae matris Annae* [In Praise of holy mother Anne]. Mainz, Peter Friedberg Publ, 1494, 32 fol. (In Latin)
- Tschudin W. F. *Paper Mills of Basle*. Hilversum: Paper publication Society Publ., 1958. 273 p.

Received: 16.01.2017

Accepted: 22.05.2017